

Американская стратегическая культура и война в Ираке

Олег Иванов,
кандидат политических наук

Культура весьма важный, но трудный объект для исследования.

По мнению политолога С.Мердена, в действительности невозможно дать полного описания культурам из-за того, что они слишком сложны и динамичны. На практике разглядывание через культурный лабиринт требует идентификации культурных тотемов: образов, норм, ценностей, историй и практик, которые кажутся особенно существенными в определении того, как выглядит политическая или общественная жизнь ... Культура может помочь нам понять, почему люди поступают так, как они поступают, и какие сходства и различия существуют между ними.

Большое значение имеет положение о том, что культура носит адаптивный характер.

У.Кейсбиар подчеркивает, что адаптивная природа культуры означает, что, в конце концов, даже если вы не в состоянии изменить культуру изнутри, вы можете добиться ее изменения, изменяя среду, в которой она эволюционирует. Наконец, поскольку культуре учатся, это означает, что она является частью *открытой системы*, обладая надлежащими инструментами, мы можем изменить поступающую информацию и процессы так, что на выходе получим отличный набор культурных норм, ценностей и верований. При таком подходе культура является, с одной стороны процессом, а с другой – продуктом.

Таким образом, рассматривая культуру как систему, открытую для внешнего воздействия, американская внешняя политика направлена, в том числе, на формирование выгодной для себя культурной среды другого общества.

В глобальном измерении на это была ориентирована и политика президента Б.Клинтона через его стратегию “*вовлечения и расширения демократии*”, а также нынешнего президента Дж.Буша через стратегию “*распространения свободы путем внедрения демократии*”.

В частности, это было одной из целей операции “Иракская свобода”: то есть изменить иракское общество, внося демократию извне. При этом американская военная сила рассматривается как “надлежащий инструмент” для достижения этой цели.

К.Крайдер отмечает, что различные культуры могут нести различные понимания проблем, а это может привести к несопоставимым решениям, которые могут

вызвать непонимание между стратегическими партнерами (не говоря уж о противниках) и создать основу для насилия и конфликта. Этот фактор оказывает непосредственное воздействие на применение военной силы во внешней политике многих государств, включая и США.

Простой анализ или сравнение численности вооруженных сил, боевой техники, степени развития военных технологий разных государств может ввести в заблуждение, если все эти факторы не будут изучаться в контексте других факторов и, в частности, в культурно-цивилизационном.

Бывший начальник Высшего военного колледжа сухопутных войск США генерал в отставке Р.Скейлз говорит о переходе к “культурно-ориентированным методам ведения войны”.

В настоящее время задачи для применения военной силы в многокультурном окружении становятся более сложными, и это вызывает необходимость подвергнуть анализу иррациональную основу применения военной силы в рамках стратегической культуры.

В период “холодной войны” и биполярного противостояния фактор культуры не играл большой роли в концепциях применения военной силы США. Хотя следует признать, что были войны на “периферии”, как война в Корее или во Вьетнаме, когда высокая цена успеха или его отсутствие все-таки принуждали специалистов обращать внимание на фактор культуры в этих войнах.

Как заметил американский военный эксперт Дж.Трэхэн: “Нет свидетельств, что более глубокий анализ факторов культуры изменил бы исход (речь идет о войне во Вьетнаме – Авт.), но возможно, что в первую очередь такой анализ остановил бы США от вмешательства”¹.

Тем не менее, в тех геополитических условиях казалось, что война будет носить тотальный характер, а угроза возможного применения ядерного оружия нивелировала интерес и значимость фактора культуры в американском военно-политическом планировании.

Американское военно-политическое руководство, извлекая уроки из поражения во Вьетнаме, отказалось от теоретической и практической подготовки к “малым войнам”, то есть конфликтам низкой интенсивности, а готовилось вести широкомасштаб-

ные традиционные войны с классическим государственно-центричным противником. В принципе на это и была нацелена доктрина Уайнбергера–Пауэлла. Миротворческие и другие операции, попадавшие в категорию “военных операций вне условий войны”, считались нетрадиционными и противоречивыми американской стратегической культуре.

В основе концептуального восприятия готовности вооруженных сил США к войне лежало понимание военно-политическим истеблишментом того факта, что если американские военные готовы вести *традиционную* войну в рамках рациональной модели, то они без труда смогут проводить и операции вне условий войны, включая *иррегулярные* войны. А если необходимо, то эти операции можно избежать, то есть их проведение или отказ от проведения станет рациональным решением руководства страны в результате военно-политического планирования.

Как оказалось на практике в Ираке, рациональное принятие решения не всегда возможно.

Те трудности, с которыми столкнулись США в Ираке, свидетельствуют, что американское военно-политическое руководство оказалось в ситуации

“скользящего склона”*, втянутыми помимо своей воли в боевые действия с **иррегулярными** силами в Ираке. Тактика применения военной силы, структура и боевая подготовка оказались неадекватны тем условиям иррегулярной войны, в которых американские военные оказались в Ираке. Кроме этого, получилось так, что американцы ведут войну, опираясь на свою стратегическую культуру, сформированную в значительной степени под влиянием “холодной войны”, то есть в иных стратегических и исторических условиях.

Американскую войну в Ираке можно разделить на два этапа.

Первый этап связан с самой операцией “Иракская свобода” по свержению режима С.Хуссейна и оккупацией страны. Об ее успешном окончании заявил с борта американского авианосца “Абрахам Линкольн” президент Буш 1 мая 2003 г. Этот этап войны американские военные провели практически безупречно, достигнув поставленные цели с минимальными потерями.

Настоящие проблемы начались на втором этапе, который американская сторона называет поствоенной стабилизацией или борьбой с террористами на территории Ирака.

Одна из самых больших американских трудностей связана с тем, что американские военные оказались не готовы вести так называемую “*малую войну*”.

Учебник по “*малым войнам*” корпуса морской пехоты США дает следующее определение этим войнам: “Операции, предпринятые высшим руководством, там, где военная сила сочетается с дипломатическим давлением на внутренние и внешние дела другого государства, чье правитель-

ство является нестабильным, неадекватным или неудовлетворительным для сохранения жизни и интересов, определенных политической нашей государством”³.

В такого рода войнах сложнее добиться не победы как таковой, сколько определить критерии успеха.

Неготовность американских военных проявилась в столкновении американской стратегической культуры с иракской культурой в парадигме нетрадиционной иррегулярной войны, навязанной американским военным иракцами.

Как продемонстрировал ход этой войны в Ираке, необходимость принятия во внимание фактора культуры вообще и стратегической культуры в частности становится все более насущной и неотъемлемой частью эффективного применения военной силы.

На этот аспект обращает внимание патриарх американской дипломатии Г.Киссинджер: “Комиссия Бейкера-Хэмилтона убедительно охарактеризовала тулик на земле (имеется в виду в Ираке – Авт.). Это результат альтернатив, некоторые из которых были приведены президентом (Бушем – Авт.), где стоящие цели и фундаментальные американские ценности столкнулись с региональными и культурными реалиями”³.

Фактор культуры стал особенно актуальным в ведении иррегулярных войн.

Военная сила должна быть “настроена” на соответствующую культурную волну той культурной среды, в которой она находится. Это требует не только знания культурного окружения, но и способности к быстрой адаптации в чуждой культурной среде.

Именно этих качеств не хватило американским военным в Ираке.

* “Скользкий склон” (*slippery slope*) – это военный термин, используемый американскими экспертами для обозначения положения близкого к тому положению, в котором американские войска оказались во Вьетнаме.

Находившийся в составе оккупационных сил в Ираке британский генерал Н.Элвин-Фостер провел исследование американского опыта ведения войны в Ираке, которое вызвало большой резонанс у американских военных и в экспертных кругах. В частности, он отметил: "Несмотря на свой многообразный культурный характер, армия (имеется в виду американская – Авт.) не была культурно настроена на окружение"⁴.

Трудности адаптации связаны с несколькими факторами:

во-первых, абсолютная уверенность американских военных в превосходство американских ценностей над неамериканскими;

во-вторых, характерной чертой американской военной культуры является осознанное само отчуждение от гражданского общества, которое значительно увеличивается в инородной среде;

в-третьих, еще более автономное, чем у других союзников США, пребывание американских военных на своих базах на территории США и особенно за границей приводит к тому, что они живут своей отдельной от гражданского и тем более иностранного общества жизнью мини-Америки, не желая и не умея адаптироваться к иностранной среде.

"Нет ни одной черты, которая может помочь американскому личному составу сочувствовать местному гражданскому населению во время операций, особенно когда местные нормы культуры значительно отличаются от западных трендов"⁴.

С американской стратегической культурой тесно связана *военная организационная культура*, в рамках которой американские вооруженные силы готовились к ведению традиционных войн на уровне государств. Это привело к тому, что все военные операции вне условий войны, попадающие в "серую зону" применения военной силы (миротворческие, спасательные), стали вызывать отторжение у военных, как не соответствующих американской военной организационной культуре.

Учитывая, что американские стратеги рассматривают иррегулярные вой-

ны как доминирующие войны в будущем, это будет означать вероятные сдвиги в американской культуре в сторону большей адаптации к ведению иррегулярных войн.

Интересно, что взгляды самого президента США Буша претерпели определенную эволюцию. Еще в 2000 г. он утверждал: "Военные не должны использоваться для неясных военных задач или служить в качестве постоянных миротворцев, разделяющих воюющие стороны"⁵.

Война в Ираке и неудачные попытки поствоенной стабилизации показали, что стратегическая культура вступила в противоречие с поставленными задачами и мешает их выполнению.

В 2005 г. Министерство обороны США было вынуждено выпустить директиву по "Военной поддержке стабильности, безопасности, переходу и операциям по восстановлению". Эта директива определяла операции по стабилизации как ключевую американскую задачу, что было связано с пониманием необходимости отойти от прямого применения военной силы как инструмента насилия в *иррегулярных* войнах. Политика должна быть направлена на устранение причин, ведущих к таким войнам, и созданию такого окружения, которое бы соответствовало американским интересам.

В директиве указывается, что задачи по стабилизации "лучше всего выполняются местными, иностранными или американскими гражданскими профессионалами...(военные силы), успешно выполняющие эти задачи, могут помочь обеспечить прочный мир и способствовать своевременному выводу американских и иностранных сил"⁶.

Такой подход означает значительную корректировку в самой американской стратегической культуре.

Было бы ошибкой утверждать, что основные положения американской стратегической культуры плохи или неправильны, поскольку хорошей или

плохой, правильной или неправильной культуры не бывает. Тем не менее, некоторые американские эксперты признают, что Соединенные Штаты не доминируют во всех технологиях и всех формах ведения боевых действий и являются слабыми с точки зрения культуры и способностей в неконвенциональной области.

Одна из знаковых ошибок, сделанных американскими политиками и военными, заключается в том, что они не поняли или неправильно оценили природу войны 4-го поколения как в Ираке или Афганистане. По их пониманию, война напрямую связана исключительно с уничтожением или выведением из строя целей. На это направлена вся военная трансформация вооруженных сил США, “революция в военном деле”, “сетцентричные операции”, концепции “стратегического паралича”

Основная задача здесь заключается в том, чтобы обнаружить противника, идентифицировать, определить цели и уничтожить. Более того, в условиях все более растущего военно-технологического превосходства США над потенциальными противниками американские стратеги все более склоняются к пониманию того, что нет необходимости выявлять намерения противника. Какой смысл определять, какие *БЫЛИ* у него намерения, если противника уничтожили высокоточным оружием с дальнего расстояния.

Таким образом, военные не нацелены на какую-то либо интерактивную работу с противоположной стороной. Они делают слишком большой акцент на подчиненной части неконвенциональной войны – уничтожении и игнорируют другие очень важные ее аспекты.

Как утверждает Ф.Кейган, американские стратеги упустили из вида тот постулат, что война, главным образом, это деятельность человека и попытки убрать че-

ловека из ее центра, как предполагают недавние тенденции и программы, скорее приведут к катастрофе. Неудачи американских военных при оккупации Ирака отчасти объясняются забвением этого постулата.

Как оказалось, оккупировать страну и свергнуть правящий режим не означает одержать полную победу. Уничтожение противника и усилия по изменению внутреннего политического устройства Ирака являются только частью проблемы.

Являясь оккупирующей страной, США несут полную ответственность за положение в Ираке. Необходимо признать, что действия США не достигли очень важной задачи: они не обеспечили стабильность и безопасность не только жителей Ирака, но и своих военнослужащих. Это можно объяснить не только непониманием иракской культуры, но и неумением коррелировать свою культуру с местной.

Необходимо оценить, как отдельные положения американской стратегической культуры могут сказаться на американской военной и внешнеполитической стратегии.

Влияние практики и культуры предпринимательства на военное дело имеет неоднозначную оценку, и этот факт получил свое подтверждение в Ираке.

Применение таких принципов, взятых из бизнеса, как рационализация процесса разработки военной стратегии, использование объективных показателей, нацеленных на то, чтобы минимизировать затраты, максимизировав при этом выгоду, уменьшая тем самым влияние иррационального фактора, представлялась как сильная сторона американской стратегической культуры. Согласно законам бизнеса, больше ресурсов должны вкладываться в наиболее прибыльные и перспективные сферы, сворачивая дела в менее выгодных.

Идя по этому пути в военном деле, Пентагон стал развивать передовые военные технологии для уничтожения противника, в которых США имеют превосходство. В частности, больше внимания уделялось развитию системы связи, контроля, управления и разведки, а также высокоточному оружию, способному поражать цели на больших расстояниях. В целом войска готовились к ведению быстрой конвенциональной войны для уничтожения противника и поражения целей.

Как оказалось в Ираке после окончания активных боевых действий, началась война 4-го поколения, в которой известные принципы бизнеса не работают.

Сравнивая войну с ведением бизнеса, Ф.Кейган отмечает, что в бизнесе конкурируют друг с другом, но не пытаются проникнуть и физически, психологически или организационно уничтожить другого. В войне не все так. В конце концов, военные организации предназначены для уничтожения друг друга как предпосылка для достижения большей цели.

Технологическое военное преимущество не имеет значения, если средства не инвестируются в индивидуальных солдат, готовых не уничтожать противника, а обучать их взаимодействовать и сотрудничать с местным населением.

Важно проанализировать еще несколько существенных положений.

Как заявлено в *противоповстанческой доктрине*: противоповстанческая сила должна обладать двумя умениями, которые не являются востребованными в конвенциональных боевых действиях:

во-первых, она должна быть способной видеть проблемы и действия с точки зрения местного населения;

во-вторых, она должна понимать относительную ценность силы и как легко избыточная сила, даже, когда она, очевидно оправдана, может подорвать поддержку населения.

Поскольку, по Клаузевицу, война есть акт насилия, то американские военные не проводят разницы между традиционными боевыми действиями и борьбой с повстанцами.

В ведении повстанческой войны существуют две альтернативы: завоевать поддержку населения, отделив повстанцев от местного населения, или просто сконцентрироваться на уничтожении повстанцев. Второй подход более традиционный и приемлемый для военных, так как их этому готовили. Первый подход более тонкий и требует знания и учета фактора культуры. Американские же военные, в соответствии со своими уставами, стремятся применить в первую очередь насилие по отношению к противнику.

В тоже самое время, согласно американской стратегической культуре, они добиваются того, чтобы свои потери были предельно минимальными. Этого можно достичь, применив массивное силовое воздействие на противника, что американцы и делали в Ираке.

По утверждению Элвина-Фостера, некоторые американские офицеры полагали, что их союзники были не слишком склонны к применению смертоносной силы. Они возражали, что нежелание применить силу показывало местному населению отсутствие решимости у коалиции, затягивая таким образом конфликт. Было очевидно, как считали многие, что единственно эффективной и морально приемлемой противоповстанческой стратегией является уничтожение или захват всех террористов и повстанцев. Они рассматривали военное уничтожение противника как по праву своей стратегической целью.

Анализируя кредо американского солдата, Элвин-Фостер дал весьма точную характеристику: солдат должен иметь только один вид взаимодействия со своим противником – “вести боевые действия и уничтожить его”. Не *победить*, что могло бы позволить какое-то количество других поли-

тически настроенных альтернатив, а уничтожить...

Это военное кредо не может помочь солдатам понять, что во многих случаях в неконвенциональных ситуациях они должны быть солдатами, а не воинами.

Для американского способа ведения войны главный инструмент достижения поставленной цели это реализация технологического превосходства. Кроме этого оно обеспечивает безопасность личного состава. Но необходимо признать, что из-за меняющейся природы военных действий опора на высокие технологии как на фактор американской стратегической культуры может снизить эффективность применения военной силы в условиях иррегулярной войны, так как противники США, неспособные противостоять США на равных, будут прибегать к асимметричным методам ее ведения. В этом случае опора на данный фактор культуры может сыграть негативную роль.

Оценивая ход конфликта низкой интенсивности в Ираке после свержения С.Хусейна, Элвин-Фостер подчеркивает, что личный состав армии США инстинктивно повернулся к технологиям, чтобы разрешить проблемы, что заключалось в поиске средств, включая технологии, для минимизации частых тесных контактов с местным населением с целью усилить защиту войск, но это привело к дальнейшему отчуждению войск от населения.

Кроме того, что современные технологии усиливают отчуждение американского личного состава от местного населения, они еще направлены на поиск быстрого технологического решения проблем, которые часто нельзя решить технократически в условиях иррегулярной войны. Найти решение можно путем общения и убеждения местного населения, то есть путем использования человеческого компонента.

Такая же ошибка была совершена и в Афганистане после устранения режима талибов. Увлечение технологиями в военном деле привело к злоупотреблению технократической стороной: акцент на сете-центричные боевые действия привел к недооценке “культуроцентричных боевых действий”.

Также нужно иметь в виду, что стремление вести молниеносные войны в рамках доктрины Уайнбергера-Пауэлла или стратегии стратегического паралича, не всегда могут привести к положительному результату. Проведение сражений и сама война это не одно и то же.

Как говорили американские военные во время войны во Вьетнаме: “Мы выиграли все сражения, но проиграли войну”.

По словам политолога К.Грея, война имеет отношение к миру, который она формирует.

Уместно вспомнить, что еще К.Клаузевиц считал, что война развивается как по объективным, так и по субъективным законам. Субъективные законы напрямую связаны с фактором культуры вообще и стратегической в частности.

Развивая этот тезис, историк Дж.Блэк пишет, что в своих основах война меняется намного реже и менее значительно, чем большинство людей предполагает. Это не просто из-за того, что война состоит из константы, а именно желания организованной группы убивать или рисковать жизнью, но также из-за материальной культуры войны, которой обычно уделяют внимание, а она менее важная, чем ее социальный, культурный и политический контекст.

Скорость равнозначная эффективности как фактор американской стратегической культуры не может не вести к сбоям.

В американской экспертной среде распространено предположение, что большинство вооруженных конфликтов в предстоящие десятилетия вероятно будут иметь внутренний характер.

Не все эксперты с этим соглашаются, но все склоняются к тому, что конфликты будут иметь внутренние корни, неразрывно связанные с культурой. В этом случае нельзя ожидать быстрой победы в классическом смысле по Клаузевицу.

Более того, можно прогнозировать, что сложившаяся стратегическая культура, нацеленная на быструю победу, вступает в противоречие с установкой бывшего министра обороны США Рамсфелда, а именно вести “долговременные войны”. Поэтому изменения в оборонной стратегии, в комплектовании личным составом и в доктрине должны помочь стране взять верх в том, что официальные лица сейчас называют “долговременные войны”.

Именно поэтому в рамках подготовки к таким войнам в 2006 г. министерство обороны США создало Академию по борьбе с повстанчеством.

Главная задача учебных программ заключается в подготовке офицеров сухопутных сил для ведения **нетрадиционной войны с повстанческими отрядами**. Причем, упор делается не столько на боевой подготовке, сколько на “необходимости сил США изменить свой менталитет так, чтобы победить в конфликтах с иррегулярными силами”⁷.

По сути дела, обращение к таким программам это возврат к прошлому, ведь начиная с середины 70-х годов XX в., то есть после окончания войны во Вьетнаме, борьбе с иррегулярными силами внимания не уделялось. А позже, когда господствовала доктрина Уайнбергера-Пауэлла, эта тема вообще не появлялась в учебных программах.

Сейчас одним из наиболее востребованных учебных пособий в американских военных учебных заведениях стала книга “Ведение войны против иррегулярных сил: Теория и Практика”, написанная еще в 1964 г. французским офицером Д.Галупой, который имел опыт такой войны в Сьерра-Леоне, то есть регионе по куль-

турным особенностям идентичному Ближнему Востоку.

Директор программы полковник в отставке К.Анкер III заявил, что они пытаются изменить культуру, модернизировать ее так, чтобы было понятно, что решение проблемы не является только тактической проблемой, решаемой пушками, бомбами и маневром. Однако проблема заключается в том, как вступающему в конфликт совместить фактор культуры с традиционным пониманием принципов рационализма и их применением в нетрадиционной войне.

Этот фактор является доминирующим во многих современных конфликтах и войнах с участием иррегулярных сил. Война в Ираке по свержению режима С.Хуссейна подтверждает этот тезис.

Согласно американской стратегической культуре, для победы необходимо превосходство над противником. Изначально это превосходство было численным, а как результат революции в военном деле – главным образом технологическим.

Но как показывает практика ведения боевых действий в Ираке, простое численное превосходство не решает проблемы. “Наводнить страну американскими солдатами – это зачастую ошибочное решение: они настолько мало осведомлены о местных условиях, что в конце концов нередко приносят больше вреда, чем пользы”⁸.

Таким образом, важно не сколько личного состава введено, а насколько он в состоянии перестроить свою культуру от ведения традиционной войны на рациональной модели в пользу иррегулярной войны на иррациональной модели. В войне такого рода, когда идет борьба “за умы и сердца”, технологическое превосходство трудно реализуемо.

Природа тех ошибок, которые американские военные совершили в Ираке, анализируется экспертом Дж.Наглом, который считает, что американские военные

перенесли свою стратегическую культуру ведения традиционной войны, сформированную в период "холодной" войны, на иррегулярные боевые действия в Ираке, а до этого в Сомали в 1993 г., что и привело к неудачам.

Воспитанная на превосходстве американской мощи и ее массированном применении, военная сила США оказалась плохо адаптированной к изменениям в среде и методам ведения боевых действий в нетрадиционных войнах и в условиях асимметричных угроз.

Нагл подчеркивает, что культура британской армии поощряет быстрый ответ изменяющимся ситуациям, в то время как культура американской армии нет, если меняющаяся ситуация не попадает в параметры той войны, которую определили в качестве главной миссии.

Отсюда вытекает восприятие фактора времени, как составляющей культуры. Стремление быстро добиться победы предполагает быстрое решение проблем за счет массированного применения военной силы, а ведение иррегулярной войны, требует терпения и методичной, мало эффективной каждодневной работы с местным населением, сопровождаемой выборочным насилием, а не применение его против всего местного населения.

Американские военные в Ираке, будучи не в состоянии уничтожить всех повстанцев, отгородились от местного населения, не зная и не понимая культурных особенностей среды.

Только после нескольких лет войны начинают делать некоторые выводы. Командиры разрешили войскам стрелять во все, что угрожает хоть в малейшей степени. При этом им не удалось обеспечить свои войска базовыми концептуальными и культурными инструментами, необходимыми для действий в сложной среде Ирака: от того, как иметь дело с шейхами до понимания того, почему обычное уничтожение повстанцев является наименее желанным результатом. Как учат сейчас, более эффективным считается убедить их де-

зертировать или присоединиться к политическому процессу. Американские военнослужащие вынуждены заново учиться принимать во внимание фактор культуры.

Американский офицер, учившийся в Академии по борьбе с повстанчеством, отметил, что, пройдя Ирак, у него действительно изменилось понимание того, как воевать с повстанцами. Он начал понимать, что центр тяжести это население, и вы должны отколоть повстанцев от населения.

Война в Ираке как война 4-го поколения, где фактор культуры играет одну из ключевых ролей, ведет к определенному сдвигу в американской стратегической культуре. Если до сих пор приоритет технологий над человеческим фактором был непререкаемым, и он остается в целом приоритетным, то обозначился некоторый отход от безусловного господства технологий к большому вниманию к человеку.

"Из-за того, что Джей-Ви 2010 (Программный документ Пентагона – Авт.) явно предпочитает технологии, а не людей, обращает внимание тот факт, что сбор информации против сегодняшних угроз требует инвестиций в человеческие умения, а не в технологии. Вообще, серьезное обсуждение получения информационного господства может обнаружить его (господства – Авт.) невероятность, о чем свидетельствует недостаток понимания ситуации в Ираке и Афганистане, а также нашу неспособность серьезно взяться за всемирную сеть Аль-Каиды"⁹.

Министерство обороны США предусматривает увеличить расходы на подготовку американских военнослужащих к ведению иррегулярных войн с повстанцами.

В военных расходах на 2007 г. предусматривается совершенствование учебных программ по изучению иностранных языков и культуры с бюджетными ассигновками в размере 181 млн. долл.

Извлекая уроки из иракской компании, перед американскими военными стоит трудная задача: как совместить применение силы с налаживанием сотрудничества с местным населением. Им приходится думать о том, как сопровождать насилие с борьбой “за умы и сердца” иракцев.

Американские военные эксперты отмечают, что войны будущего будут характеризоваться слиянием различных видов и средств войны. Выбор между **конвенциональной и нетрадиционной войнами** является ложным выбором. Вероятно, американские военные столкнутся с обоими видами одновременно и в одном боевом пространстве.

Видение боевых действий не может точно и экономично охватываться единой парадигмой. Это означает, что происходит, как минимум, столкновение двух моделей применения военной силы: **рациональной и иррациональной**.

Таким образом, в американском военно-политическом истеблишменте и экспертной среде есть понимание того, что фактор культуры в военном деле становится не менее важным, чем само насилие, а не принятие этого фактора во внимание равносильно поражению. Однако проблема заключается в том, как добиться слияния двух противоположных моделей в единую парадигму.

Примечания

- ¹ *Trahan J.* The Influence of Culture on Post Cold War Military Operations: An Examination of the Need for Cultural Literacy, 1995. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/TJR.htm>
- ² US Marine Corps. Small Wars Manual. Washington: USMC, 1990. P. 1.
- ³ *Kissinger H.* Withdrawal is not an option // Tribune Media Services. 2007. January 18.
- ⁴ *Aylwin-Foster N.* Changing the Army for Counterinsurgency Operations // Military Review. 2005. November-December. P. 6, 10.
- ⁵ *Melillo M.* Outfitting a Big-War Military with Small-War Capabilities // Parameters, Autumn 2006. P. 28.
- ⁶ US Department of Defense. Directive Number 3000.05. Washington, D.C. 2005. 28 November.
- ⁷ *Ricks T.* U.S. Counterinsurgency Academy Giving Officers a New Mind-Set // Washington Post. 2006. February 21. P. A10.
- ⁸ *Бут М.* Борьба за трансформацию военной сферы // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. май-июнь.
- ⁹ *Cordesman A., Frederiksen P.* America's Uncertain Approach to Strategy and Force Planning. Center for Strategic and International Studies. 2006. 5 July. P. 21.